

КОЛЛЕКТИВНАЯ ВИНА

КАК ЖИЛИ НЕМЦЫ
ПОСЛЕ ВОЙНЫ

*Карл
Юнг*

*Карл
Ясперс*

Москва

издательство
РОДИНА

УДК 94(430)
ББК 63.3(4Гем)62
Ю50

Юнг, Карл Густав.

Ю50 Коллективная вина. Как жили немцы после войны / Карл Густав Юнг, Карл Ясперс. — Москва : Родина, 2026. — 416 с.

ISBN 978-5-00269-233-0

Под редакцией Елизаветы Бута

Многие ученые уехали из Германии с приходом «коричневой чумы». Они проклинали и забыли страну, которая буквально выбросила их на помойку истории, но только не Карл Ясперс, решивший пройти это испытание вместе со своим народом. Он проклинал Германию в 1945-м.

В 1937 году его с позором лишили звания профессора за сочувствие евреям, а затем бывшие коллеги стали травить профессора. Ученый не захотел уезжать из страны даже тогда. Долгих восемь лет он писал «в стол» и жил под ежедневной угрозой ареста. В 1945 году все изменилось, оковы фашизма пали. Ясперс думал, что теперь все, кто сотрудничал с режимом, отправятся на свалку истории, на которой он провел долгие восемь лет, но, придя в университет, он встретил тех же людей, кто организовал на него травлю. Казалось, все забыли о прошлом. Ученый не смог пережить этого позора, он проклял Германию и уехал из страны. Никогда больше он не ступал на немецкую землю, а итогом его разочарования стала главная работа философа: «Вопрос о виновности», в этом эссе он впервые обобщал и сформулировал понятие «коллективной вины». Эта работа стала началом большого процесса осмысления феномена фашизма. Именно она, а также ряд эссе и интервью Карла Юнга и Зигмунда Фрейда, пытавшихся осмыслить вопрос о вине с позиций аналитической психологии, и составили эту книгу.

УДК 94(430)
ББК 63.3(4Гем)62

ISBN 978-5-00269-233-0

© ООО «Издательство Родина», 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Е. Бута.</i> Предисловие	8
---------------------------------------	---

Часть первая. В самый темный час

<i>Т. Манн.</i> Из личного архива	
Из дневников	14
Господину декану философского факультета Боннского университета	17
Речь о необходимости борьбы за свободу	25
Из дневников	29
Братец Гитлер	32
Немецкие слушатели!	41
О решении еврейского вопроса	43
О еврейском вопросе	47
Немецкие слушатели!	52
Из дневников	55
Немецкие слушатели!	55
О «Белой книге»	58
Обращение по радио к американским солдатам в Германии	63
Из доклада «Германия и немцы»	64
О Нюрнбергских процессах	83
<i>К. Ясперс.</i> Дневник 1937—1942	84

Часть вторая. Коллективная вина

<i>К. Ясперс.</i> Введение в цикл лекций о духовной ситуации в Германии	111
Вопрос о виновности	119

А. Схема разграничений	
1. Четыре понятия виновности	121
2. Последствия виновности	125
3. Сила. Право. Милость	126
4. Кто судит и о ком или о чем судят?	128
5. Защита	133
Б. Немецкие вопросы	135
1. Преступления	137
2. Политическая виновность	147
3. Моральная виновность	149
4. Метафизическая виновность	157
5. Выводы	158
II. Возможности оправдания	165
1. Террор	165
2. Вина и историческая связь	167
3. Вина других	172
4. Вина всех?	179
III. Наше очищение	182
Увеличение от очищения	184
2. Путь очищения	194
Послесловие 1963 г. к моей статье «Вопрос о виновности»	199
Куда движется Федеративная Республика?	205
Положение Федеративной Республики	206
I. Изменение структуры Федеративной Республики: от демократии к олигархии партий	207
II. Второй опасный шаг: от олигархии партий к диктатуре	221
III. Как сложилась нынешняя политическая ситуация в Федеративной Республике	252
IV. Что можно сделать во внутривнутриполитическом отношении	264
V. Бундесвер	280

VI. Внешняя политика	294
VII. Резюме и перспективы	329
Ответ на критику	332
Основные проблемы Федеративной Республики	347

Часть третья. Вместо надежды

<i>К. Юнг. Обретут ли души мир?</i>	373
Геноциду не может быть оправдания	380
Примечания	410

Когда нацисты пришли за коммунистами, я молчал, я же не коммунист.

Потом они пришли за социал-демократами, я молчал, я же не социал-демократ.

Потом они пришли за членами профсоюза, я молчал, я же не член профсоюза.

Потом они пришли за евреями, я молчал, я же не еврей.

А потом они пришли за мной, и уже не было никого, кто бы мог протестовать.

М. Нимеллер

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1937 году известный философ и профессор Карл Ясперс попал в опалу немецких властей. Он не поддерживал курс правительства, и, что еще хуже, был женат на еврейке Гертруде Майер. Уже несколько лет из-за этого у него то и дело возникали проблемы, но с 1937-го года все это из яростных дискуссий и ссор превратилось в травлю профессора. Он лишился должности, знакомые и коллеги старались не общаться с ним, чтобы не раздражать новое руководство университета. Ясперс лишился средств к существованию, друзей, знакомых, возможности работать. Постепенно круг сужался, пока наконец не достиг предела. Отныне его миром стала Гертруда, но вскоре над женой профессора нависла реальная угроза жизни. Смешанные браки между лицами немецкой и еврейской национальности теперь были под запретом.

Так работает тоталитарное правительство. Рано или поздно оно потребует от каждого отказаться от себя. Некоторые вприпрыжку бегут и сами становятся первыми

в эту очередь. Иные мирятся с новыми правилами и законами, тихо радуясь, что пока пришли не за ними, и надеясь, что к ним не постучат. Всегда ведь есть надежда, что правительство падет быстрее, чем его всевидящее око обратит на человека взор. Но в этом случае, когда морок фашизма развеялся, вдруг оказалось, что те, кто пытался тихо и незаметно ускользнуть, уже успели отказаться от себя, просто не заметили. Все случилось как-то тихо без нравственных терзаний, они просто делали свою работу, а потом Ханна Арендт про них отчего-то книжку пишет¹.

С 1937-го года Карл Ясперс со своей женой Гертрудой каждый день рисковали жизнью, оставаясь в Германии. Не было и дня, чтобы кто-то из них не завел разговор про отъезд, но все попытки выехать заканчивались ничем. Никто из них всерьез не хотел уезжать из родной их сердцу Германии. За рубежом, казалось, они окажутся ненужными и лишними людьми, а здесь, в родной стране, они живут и работают по праву. Вплоть до 1945-го года Ясперс вместе с женой оставался в Германии. В какой-то момент профессор уже почти было согласился на предложение Швейцарского университета, но ему не дали разрешение на выезд. Они уже собирались переехать в образцовое гетто Терезиенштадт, о котором все говорили как о райском месте, но не решились, к счастью, и на это. Оттуда часто отправляли людей в Аушвиц. В конце концов, они решили, что должны быть со своим народом в самый темный час.

8 мая 1945 года был подписан пакт о капитуляции. Гитлер незадолго до этого застрелился в своем бункере. Оковы пали, отныне Карл Ясперс вновь мог преподавать в университете, а на тех, кто особенно пламенно поддерживал фашизм, развернулась настоящая охота. Профессор хотел увидеть извинения и покаяние, но вернувшись на кафедру, он встретил те же лица, тех же людей, что еще недавно переходили на другую сторону, при виде про-

фессора, отпускали по поводу него нацистские шуточки и бросали мусор ему в окна. Это были те же люди. Сейчас они неуверенно улыбались и приветствовали профессора, но никому и в голову не приходило извиниться или покаяться. Они всего лишь следовали правилам и исполняли законы, возможно, с несколько преувеличенным энтузиазмом, но время такое было, что поделать.

И вот тогда Карл Ясперс навсегда разочаровался в своей стране и своем народе. Спустя несколько лет после падения режима в университете работали все те же люди, и те же судьи, что выносили смертные приговоры за печать антифашистских листовок, сейчас работали на прежних своих местах. Карл Ясперс отказался от своего немецкого гражданства и вскоре они с Гертрудой навсегда переехали в Швейцарию. Профессор понял, что виноват не Гитлер, но немцы, что пошли за ним, и это послужило импульсом для написания одной из главных своих работ, посвященной вине и ответственности немцев за действия властей в годы фашистского режима.

Даже спустя двадцать лет опросы показывали, что большинство немцев считали идеи фашизма разумными, просто палку перегнули, а некоторые считали, что и не загнули в достаточной мере. Людей возили на принудительные экскурсии в концентрационные лагеря, где показывали печи, в которых сжигали людей, но, возвращаясь с них, люди делились впечатлениями друг с другом:

— Это ж надо, какие декорации выстроили, лишь бы только опорочить прошлое, подумать только!..

Все меняется. Прошло много лет, и работы профессора о коллективной вине приобрели актуальность, а люди стали изучать уже не ужасы фашистского режима, но то, как люди пытались противостоять ему. Это книгу и составили голоса тех, кого не удалось обмануть таким заманчивым, как оказалось, пламенем фашизма. Одни люди уезжали и старались начать все с чистого листа, как и посту-

пил Карл Густав Юнг. Другие — уезжали, но продолжали искать способ докричаться до своих бывших друзей и знакомых, как поступал Томас Манн. Третьих было большинство, они, как и Ясперс, предпочли так называемую «внутреннюю эмиграцию» и постарались жить и работать как прежде. Вот только большинство из них так и не заметило, как предало себя, а те, кто предпочел сохранить в себе веру в человека, предпочитали думать, что Германия все также прекрасна, а немцы — все те же добрые друзья и соседи, просто заколдованы и одурачены. Лишь после 1945-го им, как и Ясперсу, пришлось признать: виноват не Гитлер, но немцы, что пошли за ним. Не нужно в этом их винить, но необходимо вечно помнить, к чему приводит слепая вера в обезумевшего диктатора и такие сладкие рассказы на тему того, что национальность или любой другой врожденный признак дает какое-то превосходство человеку. Эта книга содержит в себе размышления философов и психологов на тему коллективной вины народа, а также рассказывает о том, где они были, что говорили и о чем думали в самый темный час жизни своего народа. Как они пришли к размышлениям о коллективной вине? Зачем нужно помнить прошлое, но всегда смотреть только в будущее?

Полагаю, все слышали легенду о царе Соломоне. История эта имеет множество вариаций, но одной из самых популярных является такая:

Царь Соломон был умным человеком, но страдал от приступов гнева. Попросил он однажды старца помочь ему с этой проблемой. Старец кивнул и вскоре преподнес ему подарок: кольцо, на котором было выгравировано: «все проходит». Царь усмехнулся, но кольцо надел. Много лет оно помогало, но однажды царь так рассвирепел, что стянул с себя кольцо и собирался уже швырнуть его в пруд, но увидел, что на

внутренней стороне его есть еще одна надпись: «И это тоже пройдет». Царь успокоился и больше никогда не снимал кольца до глубокой старости. И вот пришел последний час. Глубокий старец Соломон снял с себя кольцо и увидел, что на ребре его появилась надпись, которой раньше не было: «Ничто не проходит».

Самый темный час кончается рассветом, но ничто не проходит и не всегда меняется. Пару недель назад я была в столице королевства Камбоджа, где еще свежи в памяти людей дни геноцида красных кхмеров. Пол Пот, еще один диктатор XX века, в некотором смысле даже выиграл у Гитлера в соревновании по бесчеловечности. Этот человек буквально истребил половину населения собственной страны. Кхмеры решили уничтожить людей не по национальному, но по интеллектуальному признаку. Есть очки? Добро пожаловать на поле смерти.

На одном из таких полей Чоэнг Эк сегодня расположен мемориал памяти жертв геноцида. Кроме поля тут можно увидеть разве то пагоду из человеческих черепов и толпы школьников, которых привозят сюда на экскурсии. Ничего интересного. При входе тебе дают аудиогид, который начинает очень подробно рассказывать о том, что здесь происходило, и почему до сих пор после каждого дождя на поверхности земли тут появляются человеческие кости и зубы, а одно дерево отчего-то зовут убийцей. Пару часов ты ходишь по этому полю смерти, а потом уже с совсем другими мыслями заходишь в пагоду из человеческих черепов. Когда ты выходишь оттуда, аудиогид говорит примерно следующее: «Наверное, вы сейчас тихо радуетесь тому, что времена изменились, да и страна у вас, куда менее кровавая, чем наша, верно? Если вы из Германии или России, на долю которых в XX веке пришлось много темных времен, вы думаете, что люди изме-

нились и такое уже точно невозможно. Это не так. Можно долго перечислять ужасные события недавнего прошлого, которые это подтвердят. Если вы из маленькой страны Европы, то, возможно, вирус национального превосходства в вас спит очень крепко, но если вы из сколько-нибудь крупной страны, то не раз слышали про национальную исключительность и особенности нации. И это, бесспорно, верно. Каждый народ исключителен, но когда об этом начинают говорить, вы делаете шаг навстречу геноциду. Никто, ни одна страна не застрахована от этого. Никто такого не забывает. Спустя века эта травма и вина все еще будет вместе с нами. Нужно жить дальше и помнить, потому что ничто не проходит. Как только это начинают забывать, история делает круг и всегда повторяет свой урок».

Елизавета Бута

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. В САМЫЙ ТЕМНЫЙ ЧАС

Томас Манн

Из личного архива

Из дневников

06.03.36

[...] Чудовищные судебные приговоры в Германии: четыре года тюрьмы за «осквернение расы» одному еврею, который совершенно невинно пофлиртовал с нееврейскими девушками. Осужден за оскорбление — родителей. Девушки же не считали себя оскорбленными. Немецкие судьбы!

07.03.36.

[...] По радио речь Гитлера. Отвратительный голос, отвратительный язык, но хитер — смесь сентиментального простодушия и фальсификации. «Честь» и мир, обещание заключить пакт с демилитаризованной зоной, новое предложение Бельгии, Франции и Голландии, договор о ненападении сроком на двадцать пять лет, возвращение в Лигу Наций в ожидании, что за это будут получены колонии. Внутренняя политика: проникновенный призыв к доверию, роспуск рейхстага, дабы дать народу торжественный случай вновь продемонстрировать свою приверженность фюреру и «всем его соратникам». Значит — выборы, которые подтвердят одобрение полностью восстановленной чести и равноправия, возвращение в Лигу Наций и обеспечение мира; следовательно, они принесут им 95 процен-

тов голосов. Похоже, что ситуация снова спасет режим. Решится ли мир заговорить о внутригерманских событиях, стоящих за этими маневрами?

04.04.36

[...] В «Эйропа» очень интересная статья одного «ученого из Германии», написанная во время его краткого пребывания за границей, о губительной силе новой Германии и беспечной недалёковидности других, глупости Англии, которая готовит гитлеровскому режиму один успех за другим. Если так будет продолжаться, то через пятнадцать лет эта Германия станет властелином над Европой.

31.07.36

[...] Приезжал молодой студент, филолог, поклонник «Иосифа». Рассказывает о своем пребывании в трудовом лагере. Народная общность — надувательство, никакого единения классов, как его никогда и не было. Упадок образования, ориентация на низкий уровень. Господство философствующего учителя народной школы.

01.08.36

[...] Вечером читал в «Нейе Рундшау» статью о Шпенглере, который довёл философию истории ad absurdum.

Я давно назвал его «гиеной от истории», и действительно, его звериная духовная личность более походит на гиену, чем на льва. Его хищническая антропология (романтика навыворот) и как таковая не менее пошлая; он стал мне особенно отвратителен после того, как я был ошеломлен его главным сочинением (из-за известного родства происхождения и духовных склонностей между нами). Он тоже воспринял у Ницше главным образом вкус к «разложению» — его интерес действительно сосредоточен прежде всего на гибели культур, которые он отождествляет с неизбежным увяданием растений, и я хорошо помню,

что когда появилась его книга «Закат Европы», ее иногда связывали с «Будденброками». То, что говорит рецензент о его презрении к человеческой свободе, я тоже сказал в статье «Об учении Шпенглера». Он рано умер, как я думаю, в тоске и страданиях. Но он подготовил то отвратительное, что произошло, и рано затрубил в рог, звук которого раздается сегодня.

13.08.36

[...] Разговор с сыновьями о том, что тем не менее люди более высокой и настоящей духовности во всем мире презирают фашизм и что революция и мировое движение, презираемое духом, не может быть истинным и сыграть творческую роль в истории. Неужели мир так изменился, что стало возможным творческое развитие вне духа, на которое дух и его критика такого развития не оказывают влияния? Неужели считать это невозможным есть устаревший идеализм?

20.08.1936

Тяжелое впечатление от сообщений московского радио о процессе троцкистов; по своей пропагандистской лживости он не уступает фашистским достижениям такого рода, по стилю они весьма схожи. Плохо и грустно.

25.08.1936

[...] Много говорили о леденящем душу процессе над троцкистскими заговорщиками в Москве. Что подумать обо всех этих покаянных признаниях, после которых их присудили к смерти. Приведут ли приговор в исполнение? Один покончил с собой до вынесения приговора. Может быть, сообщения просто сфальсифицированы? Или подсудимых обещали помиловать, если они будут говорить то, что хочет услышать правительство? При их характерах — невероятно, ведь это последние ленинцы. И Радек,

выступавший от имени правительства по внешнеполитическим вопросам, арестован. Троцкий все отрицает... В вечерних газетах: действительно, шестнадцать человек после чудовищных покаянных признаний казнили. Ужасно.

9.10.1936

[...] Слышал по радио кое-что немецкое, песни о «Коричневых солдатах фюрера» и «Против врагов за свободу и мир». Конечно, кретинизм, но это и есть уровень маленького человека, и ему приятно.

**Господину декану философского факультета
Боннского университета**

Кюснахт близ Цюриха, 31.12.1936

[...] Я получил печальное сообщение, которое Вы направили мне 19 декабря. Разрешите ответить на него следующее:

Тяжелая вина за нынешние несчастья лежит и на немецких университетах. Из-за рокового непонимания исторического часа они превратили себя в рассадник порочных сил, которые опустошают Германию нравственно, культурно и экономически — эта вина давно отравила мне радость от присужденного мне некогда академического звания и сделала для меня невозможным каким-либо образом им воспользоваться. Почетное звание доктора философии есть у меня и сегодня, ибо Гарвардский университет вновь присудил мне его⁵⁶ на основании, которое я, господин декан, не хотел бы от Вас скрыть.

В переводе с латыни на немецкий оно звучит так: «мы, ректор и сенат при одобрении почтенных университетских инспекторов присудили на торжественном заседании звание почетного доктора философии Томасу Манну, всемирно известному писателю, который разъяснил про-

блемы жизни многим нашим соотечественникам, и вместе с очень немногими современниками сохранил высокое достоинство немецкой культуры, и наградили его всеми правами и почестями, связанными с этим званием».

Таким, странно противореча нынешним немецким взглядам, представляется мое существование свободным и образованным людям за океаном и — я вправе добавить — не только там. Мне никогда не пришло бы в голову хвастать этим документом, но сегодня и здесь я вправе, я должен привести его. И если Вы, господин декан (не знаю, какова практика в подобных случаях), должны будете вывесить на доске объявлений сообщение, которое послали мне, то поистине справедливо мое желание, чтобы и этому моему ответу была предоставлена такая же честь. Может быть, все же кое-кто из имеющих академическую степень граждан, студент или профессор, насторожится и задумается, и его охватит быстро подавленный пророческий ужас при этом чтении, которое будет подобно взгляду, брошенному украдкой в свободный духовный мир из незнания и злобно навязанной изоляции. На этом я мог бы закончить. Однако в такой момент мне кажутся желательными, более того, законными некоторые дальнейшие разъяснения. По поводу «лишения меня гражданства» государственно-правовыми органами, несмотря на многочисленные обращения ко мне читателей с призывом высказать мое отношение к этому, я промолчал. Лишение меня академического звания я вправе рассматривать как уместную возможность для краткого заявления о моей позиции — при этом Вы, господин декан, имени которого я даже не знаю, рассматривайте себя, пожалуйста, как случайного адресата, эти высказывания не задуманы как обращение именно к Вам.

За эти четыре года моего изгнания, назвать которое добровольным было бы, пожалуй, приукрашиванием истины, ибо не покинув Германию или возвратившись туда,

я, очевидно, не остался бы в живых, — я не перестаю размышлять о моем положении — о странной, определившей мое нынешнее положение ошибочности судьбы. Мне не могло присниться, мне не было на роду написано, что мои преклонные годы я проведу как эмигрант, лишенный дома и преданный поруганию, занимаясь совершенно необходимыми акциями политического протеста. С тех пор, как я вступил в духовную жизнь, я чувствовал себя спокойно и уверенно, в счастливом согласии с душевными склонностями моей нации, с ее духовными традициями. Я рожден гораздо более для того, чтобы быть представителем умонастроений народа, чем для мученичества, гораздо более, чтобы внести в мир немного высокой веселости, чем призывать к борьбе и ненависти. Должно было случиться нечто в высшей степени ложное, чтобы жизнь моя сложилась так противоестественно. Я пытался, насколько позволяли мои слабые силы, остановить это ужасающе ложное — и именно этим уготовил себе судьбу, которую должен теперь научиться соединить с моей, по существу чуждой этой судьбе, натурой.

Конечно, я вызвал ярость сегодняшних властителей не только в последние четыре года тем, что остался за пределами страны, бескомпромиссными заявлениями о моем отвращении к ним, замолчать которые было невозможно. Я делал это еще гораздо раньше, должен был делать, ибо раньше, чем ввавшие сегодня в отчаянье немецкие граждане, видел, кто и что поднимается на поверхность.

Когда же Германия действительно попала в эти руки, я решил сначала промолчать; я считал, что заслужил право на молчание принесенными мною жертвами, право, которое даст мне возможность сохранить нечто для меня чрезвычайно важное, — контакт с моей публикой внутри страны. Мои книги, говорил я себе, написаны для немцев, прежде всего для них. «Мир» и его участие были для меня всегда лишь радующим дополнением. Они, эти книги —

продукт воспитывающей взаимосвязи нации и автора, и я считал, что предпосылки для этой взаимосвязи я помогу создать, только будучи в Германии. Это тонкие и достойные бережного сохранения отношения, политике не должно разрешать грубо рвать их.

Были в стране нетерпеливые; те, кому всунули в рот кляп, поставили бы в вину живущему на свободе его молчание, значительное же большинство, мог я надеяться, поймет мою сдержанность, будет мне даже благодарно.

Таковы были мои намерения. Они оказались неосуществимыми. Я не мог бы жить, не мог работать, я бы задохнулся, если бы время от времени, как говорили древние народы, не «омывал своего сердца», откровенно не высказывал бы своего безграничного отвращения перед тем, что — гнусными словами и еще более гнусными делами — совершалось дома. Заслуженно или нет, но мое имя оказалось теперь связанным для мира с понятием немецкого духа, который он любит и чтит. Тот факт, что именно я открыто выступаю против распутной фальсификации, которой подвергся ныне немецкий дух, было требованием, которое успокаивающе вторглось во все свободные художнические мечты, которым я отдался бы с такой охотой. От этого требования трудно отказаться человеку, которому всегда было дано выражать себя, освобождать себя в слове, для которого всегда была очевидна общность переживания и сохраняемого в ясности и чистоте языка, хранителя национальных традиций. Велика тайна языка; ответственность за него и его чистоту — символического и духовного характера, язык имеет отнюдь не только эстетический, но и общий нравственный смысл, он — ответственность как таковая, а также ответственность пред собственным народом, сохранение в чистоте его образа перед лицом человечества. В нем воплощается также единство человеческого, целостность проблемы человечности, которая никому не разрешает, а сегодня — менее, чем когда бы то ни

было, отделять духовно-эстетическое начало от политически-социального и изолировать себя от него, замкнуться в аристократически-«культурном»; это — истинная общность, которая есть сама гуманность, и тот преступно нарушает ее, кто собирается забрать в свое полное владение одну область человеческого — государство.

Немецкий писатель, привыкший к ответственности за общество, поскольку инструмент писателя — язык, немец, чей патриотизм, может быть, наивно, выражается в вере в несравненную нравственную ценность того, что происходит в Германии, — и он должен молчать, хранить полное молчание перед лицом всего неискупимо плохого, что совершалось и совершается в его стране над телами, душами и умами, над правом и истиной, над людьми и человеком? Перед лицом страшной опасности, которую представляет собой для континента этот разлагающий людей режим, существующий в невыразимом незнании того, о чем прозвонил колокол мира? Это было невозможно. Так возникли вопреки первоначальным намерениям высказывания и действия, которыми я неизбежно занял определенную позицию, она и вызвала абсурдный и жалкий акт моего отлучения от нации.

Простая мысль о том, кто эти люди, которым случайно дана презренная внешняя власть лишить меня моего немецкого статуса, достаточна, чтобы акт этот предстал во всей своей смехотворности. Оказываясь, выступив против них, я тем самым оскорбил империю, оскорбил Германию! Они проявили сомнительную храбрость — спутали себя с Германией! В то время, как, наверно, недалек момент, когда станет самым важным не спутать себя с ними.

Куда они завели Германию за неполные четыре года? Разорили, истощили духовно и материально производст-

вом оружия, которым угрожают всему миру, держат его в напряжении и препятствуют выполнению его истинных задач — огромной и насущной задачи мира: никем не любимая, внушающая страх и холодную неприязнь, она стоит на грани экономической катастрофы, и руки ее «врагов» испуганно протягиваются к ней, чтобы удержать такого важного участника будущего сообщества народов от падения в пропасть, если Германия только хочет образумиться и проникнуться тем, что действительно необходимо в этот час миру, вместо того, чтобы лицемерно придумывать себе беды.

Да, те, кому они угрожают и развитие которых задерживают, должны еще в конце концов ей помогать, дабы она не ввергла материк в пропасть вместе с собой, дабы не разразилась война, в сторону которой она в качестве *ultima ratio*² еще поглядывает. Зрелые и образованные государства, — я понимаю под «образованием» знакомство с тем основополагающим фактом, что война более уже не позволительна — обращаются с этой большой, находящейся в опасности и всех подвергающей опасности страной или скорее с ее невозможными руководителями, которым она попала в руки, как врачам с больным: с величайшим снисхождением и осторожностью, с неисчерпаемым, пусть не совсем почетным терпением; те же думают, что должны вести против них «политику», политику силы и гегемонии. Это неравная игра. Если один ведет «политику», когда другие уже о ней не думают, а думают о мире, то он получает временно известные преимущества. Не ответственное сегодняшнему времени незнание того, что война более не дозволена, приносит, само собой разумеется, первое время «успехи»; те, кто знают, что война не дозволена, оказываются в проигрыше. Но горе народу, который, не зная, куда податься, искал бы в конце концов выход в ненавистных Богу ужасах войны. Этот народ пропал бы. Он будет побежден так сокрушительно, что никогда больше не поднимется.